

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

Шѣдше научите всѣмъ языки, крѣщающе
ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа.
Матѣ. XXVIII, 19.

ИЗДАНИЕ

состоящаго подѣ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго
Величества Государыни Императрицы Православнаго Миссіонерскаго
Общества.

1893.

Годъ первый.

№ 19

О К Т Я Б Р Ъ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
ТИПОГРАФИИ А. И. СНЕГИРЕВОЙ.
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКИЙ ПЕРЕУЛОКЪ, СОБСТВЕННЫЙ ДОМЪ.
1893.

Мусульманская пропаганда между киргизами ¹⁾).

Пути и способы, посредствомъ которыхъ распространяется и укрѣпляется между степняками-киргизами мусульмаство, весьма разнообразны и многочисленны. Отмѣчаемъ изъ нихъ нѣкоторые.

Такъ, повидимому, широко свободою пользуются всѣ фанатики и проходимцы, являющіеся въ степь съ цѣлю грубой эксплуатаціи довѣрчивыхъ степняковъ путемъ обмана и лжи. Подъ личиною набожности и благочестія разносятъ они по степи заразу фанатизма и ненависти къ русскимъ—какъ къ „кяфирамъ“ ²⁾ и ко всему русскому.

Въ минувшемъ году разъѣзжали по степи два человѣка, называвшіе себя киргизамъ плѣнными турками, томившимися въ Томскомъ острогѣ со времени послѣдней русско-турецкой войны и выпущенными на свободу въ проѣздъ Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича—по заступничеству „правовѣрнаго“ калифа (т. е. турецкаго султана). Назвавшись страдальцами за вѣру и идеи мусульманства, подъ предлогомъ неимѣнія средствъ для проѣзда на родину, турки смѣло обирали простодушныхъ киргизовъ, которые принимали ихъ съ большимъ почетомъ и уваженіемъ.

Киргизы такъ рассказываютъ про продѣлки этихъ турокъ. Первымъ дѣломъ ихъ, по пріѣздѣ въ аулъ, была совокупная съ киргизами молитва, которая заканчивалась не рѣдко чтеніемъ и толкованіемъ книгъ, которыя турки возили съ собою. За тѣмъ

¹⁾ Заимствовано изъ записокъ миссіонера Больше-Нарымскаго стана Киргизской миссіи, въ Томской епархіи, священника Стефана Борнсова (изъ ново-крещенныхъ алтайцевъ), за 1892 годъ.—Предметъ о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, отчасти уже былъ затронутъ въ „Правосл. Благовѣстникѣ“ № 8 стр. 25—29: Препитствія для успѣшной дѣятельности православныхъ проповѣдниковъ въ Киргизской степи.

Ред.

²⁾ „Кяфиръ“—невѣрный. Такъ называютъ мусульмане всѣхъ неприндалежащихъ къ ихъ вѣрѣ.

они раздавали киргизамъ за подарки разные мнимо священные предметы: то финики (которые въ городѣ можно купить сколько угодно), то доскутки бумажки съ написанными на нихъ арабскими молитвами, или съ изображеніемъ кисти руки, каковыя, по понятіямъ киргизовъ, имѣютъ чудодѣйственную силу въ различныхъ обстоятельствахъ жизни.

Нечего и говорить о томъ, какъ щедро надѣляли ихъ киргизы подарками вещественными и денежными (одинъ киргизинъ Чингистаевской волости ссудилъ, говорятъ, 200 руб.!), а также и скотомъ. Послѣдній тутъ же продавался за безцѣнокъ.

Киргизы же рассказывали, какъ эти проходимцы распространяли у нихъ разные нелѣпыя свѣдѣнія про турецкаго султана, превознося до небесъ его мнимую справедливость, мудрость и всемірное могущество. „Когда нашъ правовѣрный калифъ, говорили они, поднимется войною на презрѣнныхъ кяфировъ, то и вы здѣсь не отставайте отъ насъ“.

Эти же (или другіе — не знаемъ) „плѣнные“ господа разѣзжали по стени и въ этомъ году.

Одинъ пріискатель рассказывалъ намъ, что лѣтомъ текущаго года на Майтерецкихъ золотыхъ пріискахъ были четыре муллы, побиравшіеся среди рабочихъ на путешествіе въ Мекку — и не гнушавшіеся такими подаяніями, какъ ножички, плети и т. п. мелочи. Муллы эти, по имѣвшимся у нихъ документамъ, оказались выходцами изъ Бухары, снабженными отъ тамошняго русскаго агента видомъ для проѣзда въ Мекку чрезъ русскія владѣнія.

Вмѣсто благочестиваго пилигримства въ Мекку привело ихъ въ Алтайскія горы ничто иное, какъ корысть, — жажда наживы на чужой счетъ, и люди знающіе говорятъ, что они, собравши значительныя подаянія, отложить попеченіе о путешествіи въ Мекку.

Осенью сего года мы видѣли въ г. Устькаменогорскѣ нѣсколько семействъ арабовъ, занимавшихся въ городѣ беззастѣнчивымъ среди дня воровствомъ.

Если подобные поступки допускаются этими шарлатанами въ городѣ и на глазахъ полиціи, то что сказать объ отношеніяхъ

ихъ къ киргизамъ, для эксплуатаціи которыхъ — надо полагать — и явились они въ этотъ край.

Итакъ, всякаго разбора проходимцы, вродѣ указанныхъ выше, будь то турки, бухарцы, сарты или татары — взаимнѣ смѣлаго обирательства киргизовъ, оставляютъ въ пытливыхъ, легко увлекающихся головахъ послѣднихъ хотя и нелѣпыя и фантастическія, но возбуждающія и фанатизирующія свѣдѣнія о мусульманствѣ, мусульманскихъ владѣтеляхъ, ихъ странахъ и святыняхъ.

Но ядромъ и закваской степнаго мусульманства были и есть татары. Относительно мусульманизированія степи татары изстари пользовались самою широкою во всѣхъ отношеніяхъ свободою. Татары, бѣжавшіе нѣкогда изъ русскихъ губерній въ китайскіе предѣлы отъ рекрутчины, отъ преслѣдованія закона за разные преступленія и изъ ссылки и каторги — не рѣдко съ клейменными знаками „С. К.“ на тѣлѣ — сіи подонки мусульманскаго общества, въ пятидесятихъ годахъ настоящаго столѣтія получили позволеніе вернуться въ отечество и приписаться къ киргизскимъ волостямъ, на правахъ киргизовъ, вмѣстѣ съ послѣдними, съ ихъ вступленіемъ въ русское подданство. Эти татары, подъ названіемъ „чала-казаковъ“ (полукиргизовъ), образовали въ здѣшнемъ краѣ нѣсколько осѣдлыхъ слободокъ, носящихъ названія „мечетей“, вслѣдствіе обязательно имѣющихся въ нихъ мечетей. Таковыхъ слободокъ въ Устькаменогорскомъ уѣздѣ три: на рѣкѣ Букони двѣ и одна на устьѣ рѣки Нарыма. Потомки этихъ татаръ — теперешніе „чала-казаки“, ни чуть не окиргизились, не смотря ни на смѣшанные съ киргизами браки, ни на долгое временное проживаніе въ средѣ послѣднихъ; они остались тѣми же татарами, съ тѣмъ же отличительнымъ фанатическимъ характеромъ и съ тѣмъ же нарѣчіемъ, — какъ и ихъ предки. „Чала-казаки“ и городскіе татары-мѣщане и купцы, имѣя постоянныя сношенія съ русскимъ (Казань) и среднеазиатскими центрами мусульманства являются по отношенію къ киргизамъ, живыми и самыми дѣятельными проводниками мусульманскихъ обычаевъ и понятій, чему способствуютъ ихъ широкія, торговая и родственныя связи съ киргизами. Татары же снабжаютъ степь и все-

возможными атрибутами мусульманскаго вѣроученія и обрядности, начиная съ корана и кончая узкогорлымъ „кумганомъ“, — принадлежностью омовеній.

Одинъ старый киргизъ рассказывалъ намъ, какъ татары (живущіе въ названныхъ слободкахъ) прежде пренебрегали киргизами, относясь къ нимъ, какъ къ невѣждамъ и неучамъ въ дѣлахъ вѣры, съ явнымъ презрѣніемъ и, какъ нечистыхъ, не очищающихся постомъ и омовеніями, не допуская въ мечети для совокупныхъ молитвъ. Киргизы, стыдясь за свое невѣжество, стали почаще упражняться въ омовеніяхъ, соблюдать постъ, творить намазъ и учиться у тѣхъ же татаръ ихъ грамотѣ, чѣмъ и снискали благоволеніе, дружбу и молитвенное общеніе гордыхъ ногаевъ и теперь у татаръ такого пренебреженія къ киргизамъ уже нѣтъ. Достойно примѣчанія, что сами киргизы привыкли смотрѣть на татаръ, какъ на людей лучшихъ себя, болѣе умныхъ и ученыхъ, чѣмъ они, — призванныхъ быть ихъ учителями и наставниками. По понятіямъ киргизовъ, самый послѣдній малограмотный татаринъ много лучше любого киргизскаго молды; поэтому достаточный киргизъ считаетъ долгомъ пригласить въ учителя къ своимъ дѣтямъ непременно татарина, — при чемъ дѣло не обходится безъ обмана, и является много самозванцевъ учителей, вовсе не соотвѣтствующихъ своему назначенію. Приведемъ отзывъ киргиза молды (муллы). „За извѣстную норму вознагражденія (2, 3, 4 барана за шесть лѣтнихъ мѣсяцевъ) находитъ киргизъ нужнаго муллу, т. е. лакея, дворника, повара и т. п., какъ это случается очень часто. Такими муллами часто являются татары, снующіе по степи, а такъ же и киргизы, бывшіе въ услуженіи у татаръ-барышниковъ, — обманывающихъ въ степи добрыхъ киргизовъ, — въ работникахъ, въ качествахъ повара. Въ степь направляются большею частью такіе татары и сарты, которые не могли на родинѣ зарабатывать хлѣбъ, пренебрегая трудомъ. Являсь въ степь, они тотчасъ же выдаютъ себя за муллъ: держатъ себя солидно и строго, при малѣйшемъ возраженіи называютъ „кяфиръ“ (невѣрный). Сожалѣя, что киргизы почему-то не такъ уважаютъ муллъ изъ природныхъ киргизовъ, молда продолжаетъ: „явившихся съ какой-то тряпич-

кой-чалмой, подъ именемъ „хаджи“¹⁾, киргизы встрѣчаютъ съ большимъ почтеніемъ.

Одного изъ такихъ муллъ мы знаемъ въ сосѣдней Нарымской волости. Это Петропавловскій мѣщанинъ-татаринъ, проживающій домашнимъ учителемъ у зажиточнаго киргиза. Этотъ татаринъ, независимо отъ его профессіи, какъ бывший мѣщанскій староста, слыветъ между киргизами за большого законовѣда и отчасти даже адвоката. У него въ этомъ году училось чело-вѣкъ 10 мальчиковъ и дѣвочекъ. Этотъ молда въ то же время является учителемъ вѣры и дѣя самихъ киргизовъ, ибо отправляетъ въ аулѣ обязанности муллы, за что пользуется со стороны окрестныхъ киргизовъ большимъ почетомъ и уваженіемъ.

Объ искусствѣ татаръ пользоваться къ своей выгодѣ довѣрчивостью киргизовъ можетъ свидѣтельствовать слѣдующій фактъ, переданный намъ очевидцемъ, — лицомъ, заслуживающимъ полного довѣрія. Одинъ татаринъ, назвавшись „хаджи“ — поклонникомъ святыхъ мѣстъ, въ видахъ поправленія своихъ дѣлъ, шнырялъ по ауламъ, угощая киргизовъ за извѣстную плату священной водою изъ источника Земъ-Земъ (въ Меккѣ). Вода помѣщалась въ единственной у владѣльца стеклянной бутылки и раздавалась чашечкою, величиною съ наперстокъ. Съ благоговѣніемъ и молитвою киргизы наперерывъ спѣшили къ раздавателю священной по ихъ мнѣнію воды. Но только очевидецъ замѣчаетъ, что вода въ бутылки не убываетъ, не смотря на усердное истребленіе ея въ теченіе нѣсколькихъ дней. Поэтому онъ рѣшился наблюдать за аферистомъ. И вотъ, выждавъ время, когда степняки, напосенные къ ихъ удовольствію изъ сомнительнаго источника, заснули, татаринъ не замѣтно выходитъ изъ юрты и изъ ближайшаго кудука (колодезь) наполняетъ бутылъ. Должно быть осторожный ногаецъ замѣтилъ, что за нимъ наблюдали, ибо на утро, къ великому изумленію степняковъ, исчезъ безслѣдно.

Хотя и много учителей у киргизовъ и быстры ихъ успѣхи въ слѣдованіи путемъ ислама, но они еще не успѣли стать

1) Такъ называются мусульмане, совершившіе путешествіе къ главной святыни мусульманства — Меккѣ.

мусульманами въ полномъ значеніи этого слова. Правда, мусульманское міровоззрѣніе вошло къ нимъ широкою волною, но остается пока безъ дѣятельнаго приложенія къ жизни; оно не впиталось еще, какъ говорится, въ плоть и кровь ихъ. Также не глубоко еще прониклись киргизы и сознаниемъ общности духовныхъ интересовъ, связующихъ и воодушевляющихъ другіе мусульманскіе народы. Они вѣруютъ совершенно безотчетно, изъ подражанія и соревнованія другимъ мусульманскимъ народамъ, кажущимся имъ образцами вѣры и благочестія. Чувствуя свою отсталость отъ послѣднихъ въ обладаніи сокровищницею знаній, киргизы инстинктивно стремятся впередъ, съ жаромъ и настойчивостью преодолевая даже такія трудныя вещи, какъ арабско-татарская грамота и широко растворяя двери бытового и нравственнаго гостепріимства тѣмъ непризваннымъ учителямъ, которые, изъ личныхъ своихъ выгодъ, стремятся къ нимъ „во одежды овчи и съ словесы медовы“.

Радостный день въ с. Уньжѣ.

(КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ „ПРАВОСЛАВНАГО БЛАГОВѢСТНИКА“).

Сельцо Уньжа ютится въ восточномъ углу Царевококшайскаго уѣзда, Казанской губерніи, вдали отъ большихъ дорогъ, въ глухой черемисской мѣстности, близъ татаръ.

Двадцать лѣтъ назадъ здѣсь не было ни церкви, ни школы, жители коснѣли въ язычествѣ; близъ деревни находились рощи, куда собирались каждый годъ для жертвоприношеній тысячи черемисъ—язычниковъ и крещенныхъ, но непросвѣщенныхъ.

Въ концѣ 1879 года здѣсь, по иниціативѣ покойнаго Н. И. Ильминскаго, было устроено училище и въ немъ стали изрѣдка служить всенощную.

Затѣмъ, хлопотами того же Н. И. Ильминскаго, впоследствии былъ пристроенъ къ восточной сторонѣ училищнаго дома алтарь и освященъ во имя Великомученика и Цѣлителя Пантелеймона.

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

Шѣдше научите всѣмъ языки, крѣщаще
ихъ во имя Оца и Сна и Свяго Духа.
Матѣ. XXVIII, 19.

ИЗДАНИЕ

состоящаго подъ августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго
Величества Государыни Императрицы Православнаго Миссіонерскаго
Общества.

1893.

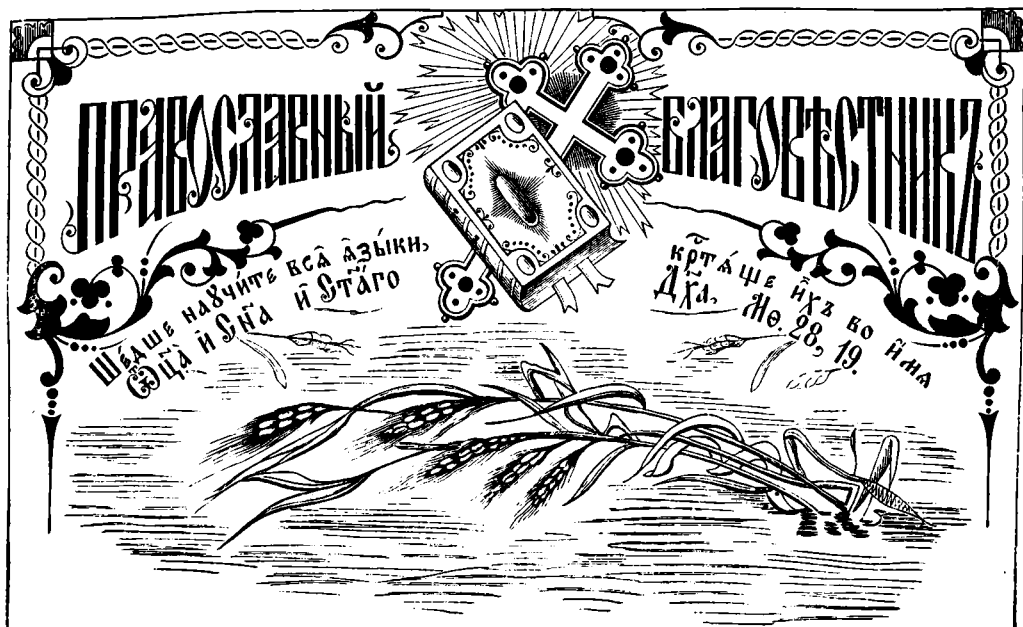
Годъ первый.

№ 20

О К Т Я Б Р Ъ.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
ТИПОГРАФИИ А. И. СНЕГИРЕВОЙ.
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКИЙ ПЕРЕУЛОКЪ, СОБСТВЕННЫЙ ДОМЪ.
1893.

Религіозно - нравственное состояніе инородцевъ Туркестанскаго края и необходимость учрежденія для нихъ православной миссіи.

Помѣщаемая подъ этимъ заглавіемъ статья имѣетъ отчасти оффиціальное происхожденіе. Это—записка покойнаго епископа Туркестанскаго и Ташкентскаго Александра ¹⁾, поданная имъ

¹⁾ Пресвященный Александръ, уроженецъ Сѣверо-Западнаго края, воспитывался первоначально въ Литовской духовной семинаріи. По окончаніи въ ней курса въ 1847 г. былъ рукоположенъ во священника, но, скоро овдовѣвъ, поступилъ въ число студентовъ С.-Петербургской духовной академіи и тамъ принялъ монашество. По окончаніи академическаго курса, довольно долго служилъ въ нашихъ заграничныхъ миссіяхъ, между прочимъ и въ Китайской, и при назначеніи настоятелемъ посольской церкви въ Римѣ, былъ возведенъ въ санъ архимандрита. Въ 1877 г. архимандритъ Александръ былъ хиротонисанъ во епископа Туркестанскаго, а въ 1883 г. перемѣщенъ на кафедру Костромскую. Въ лѣтніе мѣсяцы 1888 г., по Высочайшему повелѣнію, онъ былъ вызванъ для присутствованія въ Св. Синодѣ. Возвратившись изъ Петербурга, онъ вскорѣ и скончался въ Костромѣ — 16 декабря 1888 г. Почившій отличался живымъ и дѣятельнымъ характеромъ, обширнымъ и основательнымъ образованіемъ, частію приобрѣтеннымъ и восполненнымъ во время пребыванія за границею, широкими и свѣтлыми взглядами на задачи своего служенія; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ добрый, кроткій, простой въ обращеніи и доступный для всѣхъ архипастырь, всегда близко къ сердцу принималъ нужды паствы и подчиненнаго ему духовенства и отечески заботился о нихъ. Вездѣ онъ оставилъ по себѣ добрую память. Ред.

въ 1881 г. (отъ 19 іюня) исправлявшему въ то время должность Туркестанскаго генераль-губернатора, генераль-лейтенанту Г. А. Колпаковскому ¹⁾. Человѣкъ широкаго образованія, живаго и дѣятельнаго характера, преосвященный Александръ, назначенъ былъ въ 1877 г. епископомъ недавно завоеваннаго и потому неустроеннаго еще Туркестанскаго края. Много ему предстояло труда и заботъ по устройству края въ религіозномъ отношеніи и организаціи церковнаго порядка и управленія. Новопріобрѣтенный край во всѣхъ отношеніяхъ былъ совершенно особенный, по сравненію съ внутренними губерніями, и представлялъ громадныя трудности для благоустройства жизни церковно-религіозной: по своей обширности, по трудности сообщеній, по отсутствію храмовъ и лицъ, способныхъ и благонадежныхъ къ церковному служенію, наконецъ по разноплеменности своего состава, при чемъ громадный численный перевѣсъ былъ на сторонѣ инородцевъ и иновѣрцевъ предъ русскимъ и православнымъ населеніемъ края, которое представляло какъ бы маленькіе островки среди моря иновѣрцевъ, частію язычниковъ, а главнымъ образомъ магометанъ.

Ознакомившись съ состояніемъ своей епархіи, преосвященный Александръ пришелъ къ убѣжденію въ необходимости учрежденія здѣсь православной миссіи, признавая за нею, по мѣстнымъ условіямъ, не только чисто религіозное, но и государственное значеніе. Распространеніе и усиленіе здѣсь православія естественно ослабило бы воинствующій ислаизмъ, болѣе всего рапространенный въ краѣ, и содѣйствовало лучше всего сближенію и соединенію туземцевъ съ русскимъ народомъ. Дѣятельный архипастырь немедленно приступилъ и къ осуществленію своего намѣренія учредить миссію въ Туркестанскомъ краѣ. Для этого прежде всего, конечно, нужно было заручиться согласіемъ и содѣйствіемъ высшей мѣстной власти, но въ данномъ случаѣ надобно было дѣйствовать съ особенною осторожностью и тактомъ, такъ какъ власти края вообще нѣсколько неблагосклонно смотрѣли

¹⁾ Въ настоящее время генераль отъ инфантеріи, членъ Военнаго совѣта и Почетный членъ Православнаго Миссіонерскаго Общества.

на учрежденіе православной миссіи между инородцами и иновѣрцами недавно присоединеннаго края. Причина этого заключалась въ естественномъ, хотя можетъ быть и преувеличенномъ, опасеніи раздражить новыхъ подданныхъ русскаго государства и произвести между ними смуты и волненія, такъ какъ въ учрежденіи миссіи и дѣятельности миссіонеровъ они могли увидѣть посягательство на свою вѣру, — что при фанатизмѣ азіатовъ могло быть очень опасно, особенно же въ связи съ другими элементами недовольства и возбужденія, весьма естественными въ недавно покоренномъ силою оружія и еще мало умиротворенномъ и устроенномъ краѣ.

Въ виду всего этого преосвященный Александръ, обращаясь къ Главному Начальнику края съ просьбою о согласіи его на учрежденіе православной миссіи въ краѣ и содѣйствіи этому благому начинанію, счелъ нужнымъ подробно и основательно мотивировать свою просьбу. Съ этою цѣлью онъ представилъ исправлявшему въ то время должность Туркестанскаго генералъ-губернатора генералу Колпаковскому обстоятельную записку, въ которой подробно изложилъ религіозно-правственное состояніе различныхъ инородцевъ края, ихъ отношеніе къ русскимъ и православной вѣрѣ, и отсюда уже выводилъ заключеніе о необходимости, совершенной возможности и безопасности учрежденія въ краѣ православной миссіи, въ формѣ на первое время, въ видахъ осторожности, учрежденія монастыря съ миссіонерскимъ характеромъ. Эту самую записку, съ нѣкоторыми сокращеніями, мы и предлагаемъ вниманію нашихъ читателей,

Хотя этой запискѣ минуло уже 12 лѣтъ, но она, кромѣ историческаго значенія, имѣетъ и современный интересъ, такъ какъ изображенное въ ней состояніе края въ религіозномъ отношеніи существенно не измѣнилось, а миссія остается не открытою и доселѣ. Между тѣмъ условія для ея открытія и дѣятельности во многихъ отношеніяхъ стали благопріятнѣе: русское населеніе въ краѣ увеличилось, православныхъ приходовъ, церквей и духовенства стало больше, туземное населеніе края умиротворилось, болѣе сблизилось съ русскими и стало доступнѣе русскому вліянію во всѣхъ отношеніяхъ. Все это подаетъ

надежду на успѣшную дѣятельность миссіонеровъ. Но есть обстоятельства и отрицательнаго свойства, которыя также побуждаютъ къ скорѣйшему открытію дѣйствій миссіи,—и между ними самое главное—усиленіе магометанства между инородцами,—что слѣдуетъ сказать въ особенности о киргизахъ. По всѣмъ, идущимъ съ разныхъ сторонъ извѣстіямъ—мусульманство дѣятельно пропагандируется въ Киргизской степи и дѣлаетъ большіе успѣхи. Если же оно тамъ утвердится прочно, то съ нимъ будетъ бороться очень трудно, потому что это—вѣра прочно организованная и обладающая большими образовательными средствами, и при томъ воинствующая, возбуждающая религіозный фанатизмъ въ своихъ послѣдователяхъ. Поэтому не слѣдуетъ медлить и пропускать благопріятное время, которымъ врагъ не упуститъ воспользоваться...

Наконецъ, записка Преосвященнаго Александра служить прекраснымъ введеніемъ въ дальнѣйшій рассказъ объ учрежденіи Туркестанской миссіи, который будетъ предложенъ нашимъ читателямъ въ ближайшихъ книжкахъ „Православнаго Благовѣстника“.

Ред.

Среди заботъ объ удовлетвореніи религіозно-нравственныхъ нуждъ православнаго населенія Туркестанскаго края, весьма часто встрѣчаясь съ затрудненіями, серьезными и нелегко одолѣваемыми, я не могъ не замѣтить, что большая часть этихъ затрудненій свойственна лишь нашему новому, отдаленному и только еще благоустрояющемуся краю, по многимъ своимъ мѣстнымъ особенностямъ рѣзко отличающемуся отъ нашихъ внутреннихъ губерній.

I. Первое, важнѣйшее и чаще встрѣчающееся затрудненіе заключается въ отсутствіи на мѣстѣ (т. е. въ краѣ) кандидатовъ священства для своевременнаго замѣщенія вакантныхъ священническихъ мѣстъ; равно какъ въ совершенномъ недостаткѣ такихъ лицъ священнаго сана, которыя могли-бы хоть временно замѣнять приходскихъ священниковъ. При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, продолжительная болѣзнь приходскаго священ-

ника, или же обычный четырехтысячный его отпускъ на родину, во внутреннія губерніи, по неотложнымъ семейнымъ дѣламъ, лишаютъ прихожанъ священнослуженій церковныхъ не рѣдко въ важнѣйшіе годичные праздники, своевременныхъ требоисправлений и пастырскаго руководства; такъ какъ сосѣдній священникъ будучи удаленъ отъ порученнаго ему во временное завѣдываніе прихода часто на сотни верстъ, имѣетъ возможность посѣщать оный, много—одинъ разъ въ десять дней, или въ двѣ недѣли, и то руководствуясь при этомъ не возникающими неожиданно нуждами временныхъ своихъ прихожанъ,—каковы, напр., напутствованіе тяжко заболѣвшихъ, крещеніе новорожденныхъ слабыхъ младенцевъ, погребеніе скончавшихся и т. п., — о каковыхъ случаяхъ весьма часто не имѣетъ возможности и узнать своевременно,—а лишь сообразуясь съ свободнымъ временемъ, которое у него остается за удовлетвореніемъ духовныхъ нуждъ прихожанъ собственнаго храма. Еще большее затрудненіе возникаетъ въ томъ случаѣ, когда въ какомъ-либо приходѣ, волею Божією, умираетъ священникъ. Обыкновенно сиротство такого прихода продолжается, по меньшей мѣрѣ, годъ, полтора, иногда же и до двухъ лѣтъ, вслѣдствіе многихъ и разнородныхъ причинъ, главнѣйшія изъ коихъ суть: сложность оффиціальной переписки, на которую употребляется очень много времени при выпискѣ изъ другой епархіи какъ уже рукоположенныхъ священниковъ, такъ и кандидатовъ священства; весьма частыя и значительныя замедленія въ высылкѣ и въ выдачѣ имъ казенныхъ прогоновъ; скудость и малораспространенность заслуживающихъ довѣріе свѣдѣній объ условіяхъ быта въ нашемъ краѣ, вслѣдствіе чего рѣдко случается, что изъявившій желаніе потрудиться на пользу церкви въ Туркестанской епархіи и уже возбудившій этимъ самымъ оффиціальную о себѣ переписку, вдругъ отказывается и отъ своего слова и отъ блага намѣренія, ссылаясь на слабость здоровья, волю престарѣлой безпріютной матери и т. п., въ сущности же подъ вліяніемъ вздорнаго письма, рассказывающаго ужасы о Туркестанѣ, средній Азии и холодной Сибири; наконецъ, многихъ смущаетъ громадность разстоянія и оглашенное по всюду несовершенство путей сообще-

щенія, ведущихъ въ нашъ отдаленный и новый край. Какія впрочемъ ни были бы причины, мѣшающія своевременному замѣщенію свободныхъ священническихъ мѣстъ, я не могу скрыть ни отъ себя, ни отъ Вашего Высокопревосходительства, что въ трудное, переживаемое теперь нами, время, когда вверху замѣчается своемысліе, а внизу наклонность къ штундизму и другимъ раскольническимъ ученіямъ,—не смотря на то, что нашъ край, благодареніе Всевышнему! еще ничѣмъ подобнымъ не запятнанъ, именно въ видахъ охраненія этой его чистоты и изъ опасенія, чтобы зараза не проникла и къ намъ, было бы весьма опасно оставлять на продолжительное время цѣлые приходы безъ пастырскаго надзора и руководства.

II. Второе затрудненіе, имѣющее тѣсную внутреннюю связь съ первымъ, возникаетъ изъ того исключительнаго положенія нашего края, что въ немъ значительное меньшинство пришлаго населенія, занимая господствующее положеніе въ краѣ, какъ побѣдитель, вмѣстѣ съ тѣмъ обладаетъ высшею, сравнительно съ туземцами, цивилизаціей. Если по неспреложному закону развитія человѣческихъ расъ—низшая цивилизація туземцевъ,—постепенно уступая, должна раньше или позже подчиниться высшей,—то подчиненіе это неизбѣжно должно коснуться всѣхъ сторонъ жизни здѣшнихъ туземцевъ, по исключая и ихъ религій, тоже не могущихъ выдержать никакого сравненія съ христіанствомъ: этимъ объясняются случаи обращенія нашихъ туземцевъ къ православію—случаи, имѣвшіе мѣсто даже и тамъ, гдѣ политики-сберегатели инославія ставили серьезныя преграды, усиливаясь побороть неизмѣнный законъ исторіи.

Что же касается того факта, что обращенія къ православію нашихъ туземцевъ до сихъ поръ—и рѣдки, и малочисленны, то на это имѣются *особыя причины*, заключающія въ себѣ именно то второе затрудненіе въ управленіи Туркестанской епархіей, на которое беру смѣлость обратить благосклонное вниманіе Вашего Высокопревосходительства.

Если обращенія къ православію нашихъ инородцевъ—и рѣдки и малочисленны, то это зависитъ вовсе не отъ того, что они, инородцы, какъ можно было бы предполагать, слишкомъ

привержены къ своей религіи. Прежде всего, нашихъ буддистовъ-Ламаистовъ, калмыковъ, никакъ нельзя заподозрить въ слишкомъ горячей приверженности къ Ламству.

Этотъ трудолюбивый народъ заботится болѣе всего о приобрѣтеніи насущнаго хлѣба для себя и своихъ семействъ, и менѣе всего думаетъ объ исповѣдуемой имъ религіи. Я имѣлъ много случаевъ убѣдиться, что наши калмыки не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о буддизмѣ; всѣ они поголовно безграмотны, за исключеніемъ, быть можетъ, нѣкоторыхъ и то весьма не многихъ ламъ въ кочующихъ монастыряхъ, которые въ состояніи разобрать, — съ грѣхомъ пополамъ, — нѣсколько тибетскихъ либо монголо-бурятскихъ словъ. Когда нѣкоторымъ калмыкамъ я показывалъ имѣющіеся у меня изображенія Ламайскимъ Буддъ, то они радостно кричали: Бурханъ! Бурханъ! но не могли сказать мнѣ названія ни одного изъ нихъ. Были случаи, когда калмыки показывали мнѣ сохранившіеся у нихъ священные предметы и, въ томъ числѣ, оттиснутыя красками на кожѣ изображенія: Буддъ, Бадисатвъ, Гэгэновъ, знаменитыхъ отшельниковъ и т. под., но ни значенія священныхъ предметовъ, ни смысла изображеній не могли мнѣ объяснить. Наконецъ, весьма рѣшительнымъ доказательствомъ полнѣйшаго невѣжества и совершеннаго индеферентизма въ дѣлѣ религіи нашихъ калмыковъ можетъ служить сопоставленіе этихъ Туркестанскихъ буддистовъ съ забайкальскими монголо-бурятами, исповѣдующими тотъ же буддизмъ. Наши калмыки лишены всего того, что обыкновенно служитъ средствомъ къ возбужденію, поддержанію и возвышенію религіознаго чувства; между тѣмъ какъ у забайкальскихъ монголо-бурятъ такія средства имѣются въ большомъ изобиліи. Прежде всего, сотни разсѣянныхъ повсюду Ламъ, красныхъ и желтыхъ, выдающихъ себя то за медиковъ, то за прорицателей и заклинателей, но несомнѣнно много начитанныхъ и всегда готовыхъ витіевато разсказывать, день и ночь, о похожденияхъ Буддъ и Бадисатвъ всякому, желающему слушать эти фантастическія сказки. Затѣмъ въ забайкальи есть много обширныхъ монастырей, въ которыхъ обыкновенно настоятельствуютъ весьма высокочтимыя буддистами іерархическія лица, каковы, напр., Хамба-Лама, Ширетү и друг. Каждый монастырь

непремѣнно имѣть въ центрѣ своей ограды величественную кумирню, переполненную ярковызолоченными громадными идолами, предъ которыми денно и нощно дымятся благовонныя куренія и блещутъ неугасаемыя лампы. Религіозныя церемоніи въ такихъ кумирняхъ всегда совершаются съ необыкновенною пышностью; настоятель выступаетъ въ шелковой, вышитой золотомъ и серебромъ, мантии и въ символическомъ вѣнцѣ, не рѣдко украшенномъ жемчугомъ и драгоценными камнями, а сослужащіе ламы въ широкихъ и длинныхъ желтыхъ мантияхъ и съ высокими шишаками на головахъ; во время самага моленія речитативъ на всѣ голоса,—отъ *soprano*, до *profondo basso*,—и таковое-жъ пѣніе какъ-бы соперничаютъ другъ съ другомъ въ силѣ и напряженіи и въ тоже время стараясь совокупными усиліями заглушить трескъ разныхъ—изъ дерева, кости и металла—колотушекъ,—громовые раскаты исполинскаго бубна и ревъ невѣроятной, часто болѣе двухъ сажней длиною, трубы. Безъ сомнѣнія, все это въ совокупности производитъ весьма сильное впечатлѣніе на монголо-бурятъ. Жертвы и приношенія поступаютъ въ изобилии; монастырь быстро богатѣетъ, но... и только. Пышныя церемоніи лишь на короткое время воспаляютъ религіозное чувство. Внутренняя несостоятельность буддизма и безотрадный взглядъ на конечную цѣль всего существующаго быстро охлаждаютъ воспламенившееся чувство и снова заставляютъ почувствовать неудовлетворенность и недовольство. И вотъ тѣ самыя монголо-буряты, которые, нѣсколько времени тому назадъ, млѣли и приходили въ экстазъ предъ изображеніями буддъ, смиренно идутъ къ забайкальскому миссіонеру и просятъ окрестить ихъ. Если такъ слаба приверженность къ буддизму монголо-бурятъ, живущихъ такъ сказать, подъ сѣнью ламайскихъ монастырей, то что мы должны заключить о силѣ таковой же приверженности къ буддизму у нашихъ туркестанскихъ калмыковъ, у которыхъ нѣтъ ни ученыхъ ламъ, ни великолѣпныхъ монастырей съ кумирнями и совершаемымъ въ немъ, безспорно весьма внушительнымъ для полудикихъ сыновъ степей—богослуженіемъ?

Магометанство превосходитъ предъ буддизмомъ въ Туркестанскомъ краѣ не одною только численностью своихъ послѣ-

дователей, но также и болѣе сильною приверженностью этихъ послѣдователей къ ихъ ученію. Справедливость впрочемъ требуетъ замѣтить, во-1-хъ, что вообще у всѣхъ магометанъ Туркестанскаго края сила этой приверженности по крайней мѣрѣ въ настоящее время весьма не велика и во-2-хъ, что разные инородцы собственно Семирѣчья, — дунгане, киргизы и даже сарты, — исповѣдующіе исламъ, далеко не въ одинаковой степени привержены къ своей религіи.

1) Весьма трудно было-бы доказать сильную приверженность нашихъ Семирѣченскихъ магометанъ къ исламу уже потому только, что таковая приверженность ихъ, если ее предположить, ни чѣмъ положительно ими не обнаруживается. Кто искренно и горячо приверженъ къ своей религіи, тотъ болѣе или менѣе ее знаетъ и всѣми своими силами старается исполнять ея предписанія. Знаніе ислама нельзя предположить у нашихъ Семирѣченскихъ магометанъ, такъ какъ у нихъ и прежде не было и теперь нѣтъ, ни ученыхъ муллъ, ни медресе, ни корана ни другихъ книгъ на доступныхъ языкахъ. Происхожденіе ислама, сущность его ученія, его коренныя характерныя предписанія, историческія судьбы и видоизмѣненія — все это вещи, совершенно неизвѣстныя нашимъ Семирѣченскимъ магометанамъ. Устное преданіе, передаваемое отъ отца къ сыну, могло сохранить лишь нѣкоторыя легенды, — вмѣсто достовѣрныхъ, историческихъ сказаній, — не многіе обряды — обрѣзаніе и закланіе жертвы, — посты, нѣсколько полурелигіозныхъ, полународныхъ праздниковъ и рядъ нравственно-практическихъ предписаній, во всей своей совокупности далеко не исчерпывающихъ собою нравственнаго кодекса Магомета, и мелочныхъ, не существенныхъ и часто даже вздорныхъ, если разсматривать ихъ порознь, отдѣльно. Вотъ какъ не многимъ довольствуются наши Семирѣченскіе магометане! но и этимъ скуднымъ религіозно-нравственнымъ достояніемъ своимъ они видимо не дорожатъ, безъ замѣтной скрупулезности легко поддаваясь всякимъ соблазнамъ при первомъ мирномъ столкновеніи съ русскими. Какъ на доказательство сказаннаго, достаточно указать, изъ низшаго сословія нашихъ магометанъ — на состоящихъ въ услуженіи у русскихъ,

киргизъ и сартовъ, которые пробывъ въ этомъ положеніи нѣсколько лѣтъ, кромѣ халата и бритой головы, ничѣмъ и ни въ чемъ уже не отличаются отъ своихъ товарищей по службѣ, облачающихся въ бѣлую или красную рубаху,—а изъ высшаго сословія нашихъ магометанъ—на прирожденную титулованную, служебную и денежную аристократію тѣхъ-же киргизъ и сартовъ, которая охотно участвуетъ вмѣстѣ съ русскими, въ пикникахъ, присутствуетъ на нашихъ вечерахъ и концертахъ, обѣдаетъ и ужинаетъ за общимъ столомъ, не отказываясь ни отъ шампанскаго, ни отъ картъ. Было бы весьма ошибочно утверждать, что все это—пустяки и мелочи, ничего не значущіе и ничего не доказывающіе. Нѣтъ! Магометъ не безъ весьма разумной цѣли строжайше предписалъ своимъ послѣдователямъ полнѣйшее отчужденіе отъ всякихъ иновѣрцевъ. Дѣйствительно, отъ бокала шампанскаго, выпитаго на вечеринкѣ у русскихъ ничего не станется магометанину, это не отщетитъ его отъ исламизма, хотя и составляетъ нарушеніе прямого предписанія; но то, что онъ провелъ нѣсколько часовъ въ образованномъ обществѣ; слышалъ идеи и сужденія, вытекающія изъ началъ совершенно противоположныхъ магометанству; переживалъ тѣ же чувства, которыми было воодушевлено собравшееся на вечеринку общество,—это не останется безъ замѣтнаго слѣда, какъ для его міросозерцанія, такъ и для религіозно-нравственныхъ принциповъ.—Еще,—еслибы дѣйствительно приверженность къ магометанству нашихъ киргизъ, дунганъ, сартовъ и др. была значительно сильна, то исламизмъ непремѣнно сказался бы въ средѣ ихъ тѣмъ связующимъ, объединяющимъ и сплочивающимъ во едино началомъ, какимъ обыкновенно бываетъ всякая вообще религія, горячо воспринятая даже самыми разноплеменными народами.—Такимъ крѣпкимъ цементомъ дѣйствительно и былъ исламизмъ въ самомъ своемъ началѣ для различныхъ аравійскихъ племенъ и народовъ, послѣдовавшихъ ученію Меккскаго пророка, такимъ онъ и въ наши дни оказывается иногда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, наприм., въ средѣ нашихъ казанскихъ, астраханскихъ и оренбургскихъ татаръ. Благодареніе Всевышнему! въ Туркестанскомъ краѣ не замѣчается, пока, ничего подобного. Наши

дунгане, киргизы и сарты — единовѣрцы; но они не питаютъ другъ къ другу особенно сильной симпатіи, вслѣдствіе различія бытовыхъ условій и противоположности матеріальныхъ интересовъ ¹⁾. Такъ слабо въ нихъ сознаніе религіознаго единства! О той же слабости религіознаго чувства у нашихъ Семирѣченскихъ магометанъ свидѣлствуютъ частыя, ожесточенныя, не рѣдко кровавыя столкновенія между различными киргизскими родами, дунганскими партіями и проч., большею частью изъ за причинъ маловажныхъ и пустыхъ.

2) Наши Семирѣченскіе дунгане, киргизы и сарты не въ одинаковой степени привержены къ магометанству.

Съ религіозностью дунганъ я имѣлъ случай ознакомиться еще въ Пекинѣ. Тамъ проживаетъ довольно значительное ихъ количество, занимаясь огородничествомъ, фабрикаціей удобрѣнія, торговлей и проч. Во всемъ Пекинѣ — одна только мечеть и та придворная, расположенная у стѣнъ императорскаго дворца, нѣкогда великолѣпная, но теперь почти вся въ развалинахъ. Муллы, состоящіе на Богдоханскомъ жалованьи, которое китайскіе чиновники безжалостно каждый разъ при выдачѣ урѣзываютъ, неоднократно высказывали мнѣ жалобы на равнодушіе своихъ единовѣрцевъ, дунганъ и другихъ. При мечети не имѣется медресе. Пекинскіе магометане обучаютъ своихъ дѣтей въ китайскихъ училищахъ и сами живутъ совершенно по китайски — ходятъ въ театръ, участвуютъ въ народно-религіозныхъ китайскихъ празднествахъ, не чужды ихъ суевѣрій и предрасудковъ. Отличаются же отъ китайцевъ только тѣмъ, что вмѣсто свинины, которой гнушаются, употребляютъ говядину, почитаемую китайцами только пищею духовъ; не имѣютъ, — ни дома въ кіотахъ, ни на воротахъ дворовъ, — принятыхъ китайцами изображеній духовъ и лишены самага существеннаго украшенія мушины въ Китаѣ, косы; такъ какъ выбриваютъ всю голову, а не одну только переднюю ся половину, какъ это дѣлаютъ китайцы. Видѣнные мною дунгане по дорогѣ въ Кульджу, въ самомъ этомъ

¹⁾ Дунгане-земледѣльцы; киргизы-паѣздики и скотоводы; сарты — по преимуществу купцы.

городѣ, а также въ Каракунусѣ ничѣмъ не отличаются отъ Пекинскихъ дунганъ.

Въ послѣдній мой проѣздъ чрезъ Токмакъ (9 мая 1881 г.) изъ разговора съ каракунузскимъ муллою я могъ убѣдиться, что наши недавніе кашгарскіе переселенцы перенесли изъ негостепріимной родины въ новое отечество болѣе народно-религіозныхъ китайскихъ вѣрованій, домашнихъ обрядовъ, обычаевъ, суевѣрій и предразсудковъ, чѣмъ чистаго магометанства.

Киргизы во многовѣковой борьбѣ за личную и политическую свободу, можетъ быть незамѣтно для самихъ себя, отвоевали и сохранили за собой до послѣдняго времени, — до времени занятія Туркестанскаго края русскими, — свободу совѣсти.

Они хотя и переняли отъ мусульманскихъ народовъ средней Азіи покрой одежды, нѣкоторыя магометанскія воззрѣнія, не многіе обряды, правила жизни и даже самое имя магометанъ, но отъ этого не сдѣлались истыми мусульманами. Магометанства они не знаютъ; сущности его ученія не понимаютъ; о коранѣ не многіе слышали; предписаній его не исполняютъ большею частью по невѣденію, — иногда же и съ умысломъ, на примѣръ, ураза (постъ), во время котораго имѣютъ обыкновеніе разѣзжать по гостямъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы, подъ предлогомъ гостепріимства, уклониться отъ предписаннаго воздержанія. Подобно тому какъ дунгане заражены религіозно-народными китайскими суевѣріями и предразсудками, киргизы не чужды многихъ суевѣрій и предразсудковъ, въ которыхъ нельзя не признать съ одной стороны — вліянія буддизма, на прим., обычай увѣшивать дерево, чѣмъ-либо замѣчательное, разноцвѣтными лоскутками тканей, клочками шерсти, бумаги и проч., а съ другой — вліянія шаманства (сюда относятся всѣ рассказы киргизъ о продѣлкахъ шайтана). Вообще необходимо замѣтить, что въ настоящее время киргизы находятся въ переходномъ состояніи и въ религіозномъ отношеніи представляютъ собою едва лишь затронутую почву, богатую, воспріимчивую, благодарную, которая быстро возроститъ живое сѣмя, если только оно будетъ брошено умѣлою рукою. Если среди киргизъ явится умный мулла, съ богатымъ воображеніемъ и пламенною рѣчью, предприимчивый, смѣлый и настой-

чивый, то они быстро превратятся въ самыхъ ярыхъ, фанатичныхъ и опасныхъ мусульманъ. Но и опытный христіанскій миссіонеръ могъ бы имѣть успѣхъ въ средѣ ихъ.

Сарты всѣми описателями Туркестанскаго края признаются за самыхъ солидныхъ и рьяныхъ мусульманъ. Таковыми, безъ сомнѣнія, застало ихъ русское завоеваніе края; но съ тѣхъ поръ время не остановилось и міровой законъ *развитія* (движенія въ ту или другую сторону) не переставалъ, по прежнему, дѣйствовать. Въ силу этого закона сарты, въ истекшее отъ завоеванія время по нынѣ, должны были, либо еще болѣе окрѣпить въ своихъ мусульманскихъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ, либо поступиться ими при мирномъ столкновеніи съ русскими и ослабѣть въ магометанствѣ. Первому изъ этихъ направленій не благоприятствовали обстоятельства. При новомъ правительствѣ прежде всего необходимо было ориентироваться, ознакомиться съ вводимыми порядками, защитить матеріальные интересы, предусмотрѣть въ ближайшемъ будущемъ вѣроятный ходъ дѣлъ, намѣтить выгодные и не выгодные шансы, — что, какъ людьми весьма практическими, не было упущено изъ вида сартами. Прямые интересы религіи, во все это время, должны были оставаться въ сторонѣ и не слишкомъ настойчиво заявлять о себѣ, когда иной разъ приходилось жертвовать нѣкоторыми изъ нихъ для матеріальныхъ видовъ. Но возвратъ къ фанатизму прежнихъ временъ всегда возможенъ. Въ немъ много угрожающаго для нашего господства въ средней Азіи. Долгъ мудрой политики — предотвратить отъ насъ эту грозу.

Вотъ въ какомъ видѣ, въ настоящее время, представляется религіозность нашихъ инородцевъ. Ни фанатизма, ни даже слишкомъ сильной приверженности къ исповѣдуемымъ религіямъ въ нихъ не замѣчается. Гдѣ же причина столь рѣдкихъ и такъ малочисленныхъ ихъ обращеній къ православію?

Такихъ причинъ много, но достаточно здѣсь будетъ указать на двѣ, для всѣхъ болѣе очевидныя и слишкомъ уже рѣзко бросающіеся въ глаза. Первая изъ нихъ заключается въ томъ, что мы, христіане, не идемъ на встрѣчу къ подвластнымъ намъ иновѣрцамъ. Мы положительно ничего не сдѣлали для ознаком-

ленія ихъ съ христіанствомъ; мы не только не дали имъ понять,—ни словомъ, ни дѣломъ,—что были бы рады видѣть ихъ своими единовѣрцами, но напротивъ, утвердили ихъ въ совершенно противоположномъ мнѣніи. Для ознакомленія съ христіанствомъ, для сужденія о высотѣ и святости его ученія у нашихъ иновѣрцевъ имѣется одинъ только способъ, одно средство—это видѣть нашу жизнь и по нашей дѣятельности судить объ исповѣдуемой нами религіи. Къ несчастію, окружающіе насъ иновѣрцы не настолько къ намъ приближены, чтобы видѣть лучшія, безупречныя и чисто-христіанскія стороны нашей жизни и дѣятельности,—и не настолько развиты, чтобы изъ фактовъ, совершающихся на ихъ глазахъ, дѣлать правильные и безошибочные выводы. Посему, напр., свобода христіанской женщины, не только нашимъ магометанамъ, но и всѣмъ вообще азіатцамъ представляется и не благопріистойной и предосудительной, такъ какъ они видятъ ее только въ собраніяхъ и на общественныхъ гуляніяхъ, веселую и безпечную, но никогда не видали ея у домашняго очага, среди серьезныхъ заботъ о благоустройствѣ дома, о воспитаніи дѣтей, какъ совѣтницу и лучшаго друга мужа, наравнѣ съ нимъ подъемлющую тяготы жизни. Подобнымъ образомъ, наприм., и благотворительность наша, чисто-христіанская и вполнѣ безкорыстная, по неразвитости окружающихъ насъ иновѣрцевъ, часто истолковывается ими не вѣрно и превратно-политическими расчетами, желаніемъ выслужиться и т. под.; такъ какъ они, видя одни только факты, не въ состояніи подняться сами до тѣхъ евангельскихъ святыхъ началъ, изъ которыхъ эти факты возникаютъ. И много въ средѣ ихъ существуетъ превратныхъ о насъ сужденій. Кто же разъяснить всѣ эти недоразумѣнія нашимъ инородцамъ—иновѣрцамъ? кто скажетъ имъ слово правды, имѣя въ виду, какъ господство Россіи въ средней Азіи, такъ и торжество евангелія надъ предразсудками нашихъ инородцевъ? До сихъ поръ мы не только не подумали объ этомъ; не только не задавались подобнаго рода вопросами,—предоставляя иновѣрцамъ что имъ угодно думать о насъ самихъ и о нашей религіи,—но даже видимо боялись, чтобы самъ собою не возникъ такой вопросъ, или чтобы сами инородцы не предложили его

намъ, чрезъ кого-либо изъ чиновъ военно-народнаго управленія, чрезъ христіанскаго муллу или ламу ¹⁾, либо чрезъ учителя школы. Мы тщательно охраняли дверь, но забыли затворить окно. И вотъ наши магометане, убѣдившись, что отъ насъ ничего не допытаются, начинаютъ обращаться со своими вопросами къ казанскимъ татарамъ. Трудно предположить, чтобы то, что отъ этихъ послѣднихъ узнаютъ наши инородцы о насъ, какъ русскихъ, и какъ христіанахъ, расположило ихъ къ русской народности и исповѣдуемой русскими религіи. Для пресѣченія этого, уже начинающагося зла, крайне необходимы такіе нарочитые дѣятели, которые бы, вращаясь въ средѣ нашихъ инновѣрцевъ, разъясняли имъ разныя ихъ недоумѣнія; пропагандировали русскую народность и разоблачали ложь, разносимую по всему краю разными выходцами изъ Казани и Оренбурга; предостерегали отъ увлеченія, навѣянными отъ вѣ, фанатизмомъ и нетерпимостью, указывая при этомъ на высокія и въ высшей степени благотворныя постановленія евангелія, предписывающаго жить въ мирѣ и согласіи со всѣми людьми, любить даже враговъ и оказывать благодѣянія ненавидящимъ насъ. Присутствіе въ средѣ нашихъ инородцевъ нѣсколькихъ такихъ дѣятелей, владѣющихъ мѣстными нарѣчіями и хоть не много знакомыхъ съ арабскою письменностью, быстро увеличило бы число обращеній къ православію, замѣтно сблизило бы съ русскимъ христіанскимъ населеніемъ края нашихъ туземцевъ и надежно предохранило бы ихъ отъ всякихъ внѣшнихъ вредныхъ вліяній.

Вторая причина, которою объясняется незначительное число обращеній къ православію изъ среды нашихъ инородцевъ, заключается въ той неприглядной участи, какая обыкновенно постигаетъ новокрещенныхъ и, безъ всякаго сомнѣнія, въ высшей степени возмущаетъ ихъ единоплеменниковъ и прежнихъ инновѣрцевъ. Я не имѣю здѣсь въ виду нашихъ сарканскихъ поселенцевъ и тѣхъ не многихъ счастливцевъ и счастливицъ изъ новокрещенныхъ, которые, непосредственно послѣ крещенія, вошли въ русскія семейства и слились съ ними при посредствѣ

¹⁾ Такъ инородцы, примѣняясь къ своей вѣрѣ, называютъ православныхъ священниковъ и вообще лицъ духовныхъ.

узь брачныхъ. Но остальные? сколько ихъ? гдѣ они? что съ ними? укрѣпляются ли они въ христіанствѣ, или возвратились къ прежнимъ своимъ вѣрованіямъ, къ магометанству и ламству? крестившіеся уже семейными, равно какъ и послѣ крещенія сочетавшіеся между собою бракомъ крестятъ ли рождающихся отъ нихъ дѣтей и воспитываютъ ли ихъ въ правилахъ христіанской жизни; или же отъ этихъ нашихъ прозелитовъ нарождается новое, еще невиданное въ туркестанскомъ краѣ, поколѣніе чистѣйшихъ язычниковъ? Я не имѣю никакой возможности получить болѣе или менѣе удовлетворительные отвѣты на всѣ эти жгучіе вопросы, не смотря на то, что они тяжелою отвѣтственностью ложатся на мою совѣсть. Спрошенные священники обыкновенно отвѣчаютъ, что крещенные или откочевали въ степь,—или же, что они занимаются рубкой лѣса въ горахъ,—или же, что они поступили въ услуженіе къ кому нибудь въ другомъ высылкѣ, въ другомъ уѣздѣ и т. п. Все это весьма справедливо, какъ самъ я имѣлъ случай въ этомъ убѣдиться во время послѣдней моей поѣздки на Иссыкъ-Куль, но тѣмъ не менѣе—весьма прискорбно, такъ какъ и на кочевкахъ въ степи, и на работахъ въ горахъ и даже на службѣ у русскихъ (чаще всего у содержателей почтовыхъ станцій) новокрещенные и еще не утвердившіеся въ вѣрѣ остаются безъ всякаго призора, защиты и руководства. Такимъ образомъ опять открывается настоятельная необходимость въ такихъ нарочитыхъ дѣятеляхъ, которые бы приняли на себя заботу о новокрещенныхъ, слѣдили за ихъ передвиженіями, навѣщали на мѣстахъ ихъ лѣтнихъ работъ, руководили и въ житейскихъ ихъ занятіяхъ и въ духовной жизни, оказывали содѣйствіе и помощь въ несчастныхъ случаяхъ, защищали какъ отъ весьма понятной нерасположенности родичей, оставшихся въ иновѣріи, такъ и отъ возможной эксплуатаціи новыми единовѣрцами.

Но откуда взять такихъ дѣятелей? гдѣ, и въ какомъ качествѣ ихъ водворить? и какъ, наконецъ, устроить это дѣло такимъ образомъ, чтобы требуемые дѣятели, принявъ на себя заботу о новокрещенныхъ* и служа новою связью между туземцами и русскимъ населеніемъ края, въ тоже самое время, въ случаѣ

нужды, могли представлять собою благонадежный и всегда готовый подъ рукою контингентъ для временнаго замѣщенія вакантныхъ приходовъ?

Всѣмъ этимъ требованіямъ и многимъ другимъ настоятельнымъ нуждамъ православнаго населенія края могъ бы удовлетворить миссіонерскій монастырь, сообразно съ цѣлю его учрежденія, состоящій изъ образованныхъ монаховъ.

Таковой монастырь всего удобнѣе было-бы обосновать на Иссыкъ-Кулѣ, въ мѣстности такъ называемой Курмэкты, въ 12 верстахъ отъ селенія Преображенскаго. Тутъ соединены всѣ благопріятныя условія: прекрасный здоровый климатъ, очаровательный видъ на озеро и увѣнчанныя вѣчными снѣгами горы, обиліе рыбы, лѣсъ почти у самой подошвы горъ, тучныя пастбища и мѣста для распашки, еще не поступившія въ надѣлъ; сосѣдство многолюдныхъ богатыхъ поселеній: какъ христіанскихъ—въ Преображенскомъ, Теплоключинскѣ, Сливкинѣ и Сазановкѣ, — такъ и не христіанскихъ, инородческихъ—въ Караколѣ и по тучнымъ лугамъ вокругъ всего Иссыкъ-Куля; центральное положеніе и близость къ развѣтвленію почтовыхъ дорогъ, ведущихъ во всѣ мѣстности края.

Сверхъ своей прямой задачи, — миссіонерско-просвѣтительной, — къ которой, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ приступлено съ крайнею предусмотрительностью и не иначе, какъ послѣ тщательной подготовки на мѣстѣ, предполагаемый монастырь можетъ принести много существенной пользы православному населенію края. Съ появленіемъ настоящихъ дѣйствительныхъ монаховъ въ краѣ, быстро исчезнутъ имѣющіеся почти въ каждой деревнѣ и возбуждающіе справедливыя жалобы стариковъ, чернецы и чернички, подъ предлогомъ благочестивыхъ упражненій въ постѣ и молитвѣ уклоняющіеся отъ трудовыхъ занятій, либо совсѣмъ уходящіе въ степь спасаться въ самую страдную пору. Съ учрежденіемъ въ краѣ монастыря, который самъ по себѣ есть уже святыня, и въ которомъ, сверхъ того, будетъ еще водворена, какъ надобно надѣяться, либо прославленная какая либо св. икона, либо часть нетлѣнныхъ св. мощей чтимаго народомъ угодника, — образуется мѣстный центръ, къ которому

будутъ направляться, какъ приношенія благочестивыхъ людей, желающихъ пожертвовать непремѣнно на монастырь, такъ и сами обѣтчики, желающіе помолиться и отвѣтъ непремѣнно въ монастырѣ, вблизи какой либо святыни, для каковой цѣли вынуждены въ настоящее время совершать отдаленныя путешествія. Когда откроется возможность во дни важнѣйшихъ праздниковъ церковныхъ, снабжать іеромонахами монастыря приписныя церкви и даже молитвенные дома, тогда прекратятся собранія въ означенныхъ мѣстахъ и чтенія въ нихъ полуграмотными мужиками часовъ, равно какъ и другихъ службъ,—собранія, терпимыя лишь въ виду крайняго недостатка въ священникахъ и опасныя уже однимъ тѣмъ, что приучаютъ народъ обходиться безъ священнослужителя. Наконецъ, монастырь, безъ особенныхъ усилій и специальныхъ затратъ, станетъ выполнять роль школы, образуя, изъ служащихъ при немъ молодыхъ людей мѣстнаго населенія, хорошихъ церковныхъ пѣвцовъ, чтецовъ, звонарей, огородниковъ, садоводовъ, рыболововъ и т. п.

Въ виду таковой многосторонней пользы отъ миссіонерскаго монастыря, рѣшаясь ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ учрежденіи онаго, честь имѣю покорнѣйше просить Ваше Высокопревосходительство почтить меня увѣдомленіемъ:

1) Не находите-ли Вы какихъ либо препятствій къ открытію такового монастыря, съ указанною цѣлью и въ означенномъ мѣстѣ и

2) Можетъ ли предполагаемый монастырь рассчитывать, что администрація края окажетъ ему содѣйствіе—отмежеваніемъ не большаго участка земли подъ постройки и отпускомъ лѣса?

Славнымъ погромомъ при Узунагачѣ, открывшему путь къ дальнѣйшимъ нашимъ завоеваніямъ въ средней Азіи, подобаешь положить первый камень въ основаніе монастыря, предназначаемаго для мирныхъ духовныхъ завоеваній въ той же самой странѣ, чтобы, такимъ образомъ, величественное зданіе было прилично увѣнчано, и великое дѣяніе совершенно закончено.
